

Право: коммуникация или автокоммуникация?

Рааб Р. С.

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

E-mail: belchikroma@gmail.com

Аннотация

Введение. Статья посвящена рассмотрению права с точки зрения двух типов коммуникации — коммуникации по типу «я — другой» и коммуникации по типу «я — я», также именуемой автокоммуникацией.

Методология и материалы. Исследование отталкивается от работ отечественных и зарубежных ученых, рассматривающих право как проявление коммуникации, а также от работ теоретика коммуникации Ю. М. Лотмана. Метод исследования основан на выделении «идеальных типов» коммуникации, позволяющих рассматривать право как их частное проявление, анализировать признаки права как типические характеристики того или иного «идеального типа» коммуникации.

Результаты исследования и их обсуждение. С целью рассмотрения права в свете идеально-типических характеристик различных типов коммуникации было раскрыто три вопроса: 1) понимание права как коммуникации по типу «я — другой», составляющее основу значительного числа современных исследований; 2) сущность автокоммуникации «я — я» как такого типа коммуникации, который приводит к появлению новой информации без непосредственного взаимодействия одного индивида с другим и в этом смысле противостоит коммуникации «я — другой»; 3) применение идеи автокоммуникации по типу «я — я» для объяснения характерных черт права как механизма нормативной регуляции социального порядка.

Выводы. Как показало исследование, несмотря на распространенную тенденцию рассматривать право с точки зрения коммуникации по типу «я — другой», именно автокоммуникация «я — я», казалось бы, далекая от правовой регуляции, оказывается довольно близкой к сущности права с точки зрения ряда своих идеально-типических проявлений. В той мере, в которой право является важнейшим механизмом стабилизации социальных процессов, одним из важнейших факторов стабилизации и развития самого права будет его осмысление в терминах автокоммуникации по типу «я — я».

Ключевые слова: теория коммуникации, коммуникация «я — другой», автокоммуникация «я — я», субъект права, инфляция права.

Для цитирования: Рааб Р. С. Право: коммуникация или автокоммуникация? // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 162–174. EDN: DZKMWG

Law: Communication or Self-Communication?

Raab R. S.

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: belchikroma@gmail.com

Abstract

Introduction. The article is devoted to the consideration of law from the point of view of two types of communication — communication of the type «From Me — to an Other» and communication of the type «From Me — to Me», also called «self-communication».

Methodology and materials. The research is based on the works of Russian and foreign scientists who consider law as a manifestation of communication, as well as the work of communication theorist Yu. M. Lotman. The research method is based on the identification of «ideal types» of communication, which make it possible to consider law as their manifestation, to analyze particular features of law as typical characteristics of a particular «ideal type» of communication.

Results and discussion. In order to consider law in the light of the ideal-type characteristics of various types of communication, three issues were elaborated: 1) understanding of law as a «From Me — to an Other» type of communication, which forms the basis of a significant number of modern studies; 2) the essence of self-communication as a type of communication that leads to the appearance of new information without direct interaction of an individual with another one and in this sense opposes to communication of «From Me — to an Other» type; 3) the application of the idea of self-communication to explanation of the characteristic features of law as a mechanism of normative regulation of social order.

Conclusions. As the study showed, despite the widespread tendency to consider law from the point of view of the «From Me — to an Other» type of communication, it is self-communication of «From Me — to Me» type, seemingly far from legal regulation, that turns out to be quite close to the essence of law in terms of its ideal-type manifestations. As far as law is the most important mechanism for stabilizing social processes, one of the most important factors for stabilization and development of law itself will be its interpretation in terms of self-communication.

Keywords: theory of communication, communication «From Me — to an Other», communication «From Me — to Me», subject of law, inflation of law.

For citation: Raab, R. S. Law: communication or self-communication? *Theoretical and Applied Law*. No. 3 (25). Pp. 162–174. (In Russ.)

Введение

В отечественной науке все большее распространение получает коммуникативный подход к изучению права. Данный подход воспринимается по-разному: кто-то его защищает и развивает, кто-то придерживается нейтральной позиции. Как это часто бывает, не обходится и без критики. И тем не менее даже критически настроенные авторы признают, что категория коммуникации отражает важные аспекты правовой действительности¹. Особенно значимыми эти коммуникативные аспекты права являются в современных условиях². С ростом динамичности и неопределенности общественной жизни правоведом приходится обращаться к категориальному аппарату коммуникативной теории.

¹ Например: Графский В. Г. Правовая коммуникация и правовое общение // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 35. EDN: SAMBSF. Указание на значимость коммуникативного измерения права как показателя его фактической валидности: Антонов М. В. Коммуникация и действие права в концепции А. В. Полякова // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 31. DOI: 10.52433/01316761_2025_05_23. EDN: UILKAC

² Денисенко В. В. Коммуникативная функция права // Академический юридический журнал. 2022. № 3. С. 233. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(3).231-238. EDN: AFEYBH

Одним из тех, чья теория коммуникации может представлять интерес для юристов, является Ю. М. Лотман. В частности, любопытным кажется его различие двух типов коммуникации: 1) «я — другой»; 2) «я — я»³. Первый тип — коммуникация «я — другой» — представляет собой передачу информации от одного субъекта к другому. Такая передача возникает лишь между двумя и более субъектами. Второй тип — коммуникация «я — я» — представляет собой передачу информации от субъекта к нему же самому, а потому для своего осуществления *не требует наличия второго субъекта*. Такая моносубъектная передача информации самому себе не охватывается понятием коммуникации по типу «я — другой», ввиду чего для ее обозначения может быть использован отдельный термин — «автокоммуникация».

Несмотря на то, что оба типа коммуникации играют важную роль в функционировании социокультурных систем, в правовых исследованиях лишь первый тип коммуникации — обмен информацией в системе «я — другой» — получил достаточно полное рассмотрение. Не будет ошибкой сказать, что именно понимание коммуникации как взаимодействия двух и более субъектов находится в центре внимания большей части коммуникативно-правовых исследований⁴. Гораздо реже в этих исследованиях мы видим попытки учесть не только коммуникативные, но и автокоммуникативные аспекты права⁵. По нашему мнению, рассмотрение права как автокоммуникативной системы не лишено смысла, ввиду чего мы попытаемся обосновать аналогию между некоторыми идеально-типическими чертами, с одной стороны, права, а с другой — автокоммуникации.

Для достижения данной цели мы в первую очередь коснемся взгляда на право как на коммуникацию по типу «я — другой». Далее раскроем сущность автокоммуникации как процесса порождения новой информации, а также попробуем провести аналогию между автокоммуникацией и правом. Согласно гипотезе настоящего исследования право, вопреки возможному впечатлению, по ряду признаков гораздо ближе к автокоммуникации по типу «я — я», нежели к коммуникации «я — другой».

Материалы и методы

Ключевыми источниками, на материале которых осуществляется настоящее исследование, являются работы зарубежных и отечественных ученых, затрагивающие вопросы теории права в связи с проблематикой коммуникации. Также важным источником исследования являются работы Ю. М. Лотмана, посвященные теории автокоммуникации и связанным с ней вопросам. Основным методом исследования является метод формирования и применения «идеальных типов». На основе идеально-типических характеристик различных типов коммуникации осуществляется анализ права как частного проявления одного из них.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Право как коммуникация по типу «я — другой»

Пусть целью нашей статьи и является дополнение взгляда на право как на коммуникацию «я — другой» взглядом на него как на автокоммуникацию по типу «я — я», будет не лишним предварительно рассмотреть, в чем состоит взгляд на право как на коммуникацию по типу «я — другой». Как уже было

³ Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Том I. Избранные статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 76–78.

⁴ См., например: Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. М.: Проспект, 2016. С. 58. EDN: FRRXDA; Хук М. Право как коммуникация. СПб: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. С. 102; Попов В. И. Роль права в обеспечении коммуникативных практик государства и гражданского общества в контексте социологического подхода к правопониманию // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 45. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-5. EDN: BJRVZF

⁵ Лишь иногда в теоретико-правовых исследованиях можно увидеть ссылку не только на «внешний диалог» с другим, но и на «внутренний диалог» — ответ себе как Другому: Честнов И. Л. Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 37. EDN: TJXIMD

отмечено, данный тип коммуникации основан на взаимодействии двух и более лиц и нередко описывается с опорой на модель Р. О. Якобсона⁶. Согласно данной модели коммуникация происходит в системе следующих элементов: адресант — контекст — сообщение — код — контакт — адресат. Ключевым моментом здесь является передача сообщения от адресанта (отправителя) адресату (получателю) при помощи кода (языка). В той степени, в которой код хотя бы частично известен не только адресанту, использующему его для создания сообщения, но и адресату, дешифрующему сообщение адресанта с учетом определенного контекста, использование общего кода-языка позволит адресату получить от адресанта необходимую информацию. Так, в самом общем виде, происходит коммуникация по типу «я — другой».

С точки зрения данного типа коммуникации право можно представить в виде общего кода-языка, при помощи которого двое и более субъектов обмениваются информацией о своем поведении с целью его координации⁷. Для «вертикальной» координации поведения, при которой один субъект приказывает другому, используется та часть юридического кода, которая отвечает за различение статуса субъектов и определение сфер их компетенции. Для «горизонтальной» координации, основанной, например, на договорах, используется та часть общего кода правовой системы, которая отвечает за идентификацию равноправных субъектов и установление между ними взаимных прав и обязанностей. По аналогии можно представить и другие аспекты социальной координации в их соотношении с правом как общим кодом межиндивидуальной коммуникации, охватывающей всех членов общества⁸.

Поскольку юристы действительно смогли усовершенствовать право за счет рассмотрения его как «общего кода коммуникации», эффективность которого зависит от ясности и универсальности передаваемых между субъектами «правовых сообщений»⁹, мы не можем не признать того положительного влияния, которое идеал коммуникации по типу «я — другой» оказал на право. С другой стороны, такое внимание к коммуникации «я — другой» несколько оттеняет свойства права, связанные с другим типом коммуникации — коммуникацией «я — я». Последняя описывает общение человека не с кем-то другим, но с *самим собой*, чем и объясняет природу «возрастания»¹⁰ в человеческом мышлении *принципиально новой информации*, не полученной от кого-либо другого. На наш взгляд, это объяснение позволяет лучше понять природу юридического мышления, а вместе с ним и права как такового. Однако перед тем как коснуться теоретико-правовых следствий идеи автокоммуникации, необходимо дать ее краткую общетеоретическую характеристику.

2. Сущность автокоммуникации

Формальное определение автокоммуникации сводится к идее общения человека с самим собой. Каждый, кто имел опыт дневниковых записей или мысленного повторения одного и то же сообщения с целью его запоминания, без труда поймет, что представляет собой коммуникация такого рода. Трудности в понимании природы автокоммуникации возникают лишь в тот момент, когда мы пытаемся рассмотреть ее не просто как некое когнитивное упражнение, но как источник принципиально новой информации. Каким образом *новая* информация может быть передана не от одного субъекта к другому, но от субъекта как носителя новой информации — к нему же самому? Разве сообщение самому себе *уже известной* информации может содержать элементы новизны? Таковы вопросы, от ответа на которые

⁶ См.: Белов С. А. Параметры правовой коммуникации: адресаты правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 4. С. 845. DOI: 10.21638/spbu14.2022.40. EDN: ZGZSAM

⁷ Потемкина О. С. Коммуникативная функция права (общетеоретическое исследование): дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. С. 45. EDN: TYNUID

⁸ Архипов С. И. Понятие правовой коммуникации // Российский юридический журнал. 2008. № 6 (63). С. 7. EDN: JVTNHP

⁹ Так как эффективность любого обмена информацией определяется степенью однозначности кода, его надежностью и универсальной распространенностью среди как можно большего числа людей, развитие права также будет ассоциироваться с как можно более унифицированным распространением простых и однозначных правил поведения, формирующих единое правовое поле. См., напр.: Осветимская И. И. Коммуникация как конститутивный признак государства (в контексте глобализации) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 123. EDN: UNEAGV

¹⁰ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 87.

зависит понимание сущности автокоммуникации как подлинно коммуникативного феномена, порождающего новую информацию.

С точки зрения Ю. М. Лотмана, появление принципиально новой информации при автокоммуникативном общении человека с самим собой действительно возможно, если на его внутренний монолог, отражающий ход его мышления, начинает воздействовать по меньшей мере один «добавочный код» (язык), чья сущность «инородна» исходному коду (языку) соответствующего внутреннего монолога¹¹. В качестве элементарного примера такого инородного добавочного кода-языка можно привести музыкальный ритм, вторгающийся в естественно-языковой внутренний монолог.

Очевидно, что музыкальный ритм как код-язык, определяющий правила сочетания звуков и пауз, сильно отличается от естественного языка как кода-языка, определяющего правила сочетания букв и слов. В той мере, в которой именно правила сочетания букв и слов определяют обычный ход внутреннего монолога, любое вторжение в этот монолог правил сочетания звуков и пауз, образующих музыкальный ритм, будет представлять собой «инородное вмешательство», нарушающее нормальный ход мышления. С другой стороны, даже будучи «инородным нарушителем», музыкальный ритм все еще остается кодом-языком, чьи правила сочетаемости звуковых элементов, будучи крайне абстрактными, *довольно легко могут перенестись на любые другие немusикальные элементы*. Например, движения тела в танце или ход речи в процессе внутреннего монолога, когда человек пытается мыслить на фоне определенной мелодии и, под воздействием последней, начинает мыслить *не так, как мыслил до ее влияния*. Очень часто такое фоновое воздействие правил одного абстрактного кода-языка на элементы другого, приводящее к *случайной* перестройке внутренней речи, происходит бессознательно¹², в силу «беспорядочно»¹³ формирующихся ассоциативных связей, и *никак не контролируется самим субъектом*. Скорее наоборот: сам субъект с точки зрения своего информационного своеобразия полностью зависит от спонтанной сцепки различных элементов мышления и поведения с инородными для них абстрактными кодами, неосознанное воздействие которых порождает принципиально новые сочетания уже имеющихся элементов опыта, возникающие как бы «сами собой», а потому опознаваемые субъектом как «нечто новое» в его же собственном сознании¹⁴.

Эта новая информация возникает в сознании субъекта не только в результате смешения естественно-языкового кода с музыкальным, но и в целом при смешении влияний *любых* кодов-языков, в любом количестве и в любой пропорции. Всё достаточно структурированное, начиная от простого орнамента, обладающего «ритмически» повторяющимся рисунком, и заканчивая сложнейшими естественными и искусственными языками, является разновидностью кода, а потому может «сцепляться» с доминирующим в тот или иной момент кодом мышления и «творчески искажать» его в сторону новых сочетаний. Согласно теории автокоммуникации эти новые сочетания, возникающие из стихийного взаимовлияния несовпадающих кодов-языков, являются единственным источником внутренней активности, посредством которой человек превращается из предсказуемого объекта в непредсказуемого субъекта, мышление и поведение которого не может быть полностью предопределено ни кем-то другим со стороны, ни даже им самим¹⁵. Поскольку источником «непредопределенности» субъекта является лишь происходящее внутри него «творческое» столкновение несовпадающих кодов-языков, мы можем считать автокоммуникацию *единственным источником индивидуальной субъективности*.

Из этого следует, что субъект формируется не только за счет взаимодействия с другими посредством общего для двух и более людей кода-языка, но и посредством взаимодействия двух и более кодов-языков в общем для них человеческом сознании¹⁶. В этом заключается одновременно и сходство, и отличие

¹¹ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 80.

¹² Там же. С. 82.

¹³ Там же. С. 83.

¹⁴ Как сказал бы Мишель Монтень, «звучание моего голоса извлека[ет] из моего ума больше, чем я мог бы обнаружить в себе, занимаясь самоисследованием или употребляя его на потребу себе самому (курсив наш. — Прим. авт.): Монтень М. Опыты. М.: АСТ, 2023. С. 64.

¹⁵ Представляется, что такой «стохастический» взгляд на субъекта согласуется с общими тенденциями современной науки. См., напр.: Разуваев Н. В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 149–150. EDN: TJXIPF

¹⁶ См.: Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 77–78.

автокоммуникации «я — я» от коммуникации по типу «я — другой». Как и коммуникация «я — другой», коммуникация «я — я» не может обойтись без определенного «общего элемента», некоего поля, на котором сталкиваются двое и более носителей информации. Однако, если в коммуникации «я — другой» этими носителями информации оказываются *двое и более субъектов общения*, а «общим местом» их встречи — *единый для всех код-язык*, то в коммуникации «я — я» единым для всех участников коммуникации оказывается именно *субъект общения*, его сознание, в то время как теми «двумя и более», кто сталкивается на едином поле, оказываются *сами коды-языки*. Общение двух и более кодов, а не двух и более людей, составляет главную структурную особенность автокоммуникации.

Именно потому, что автокоммуникацию можно объяснить в терминах «общения» двух и более разнородных кодов-языков, мы рассматриваем автокоммуникацию не просто как процесс мышления, имеющий внекоммуникативную или докоммуникативную природу, но как процесс коммуникации, обмена информацией между двумя и более носителями данных. Это позволяет не только объяснить природу появления принципиально новой информации, в последующем передаваемой субъектом творчества по каналу «я — другой», но и сделать это в коммуникативной парадигме, с опорой на категории «адресанта», «сообщения», «кода», «контекста» и т. д. Пока мы задействуем эти категории, применение теории автокоммуникации к праву будет представлять собой рассмотрение права с точки зрения коммуникативного подхода.

3. Автокоммуникация и право

Может сложиться впечатление, что для междисциплинарных правовых исследований идея автокоммуникации, как она описана выше, является не очень подходящей. Если право стремится нивелировать различия между субъектами и привести их к взаимопониманию за счет некоего общего кода, общей нормы, то автокоммуникация, будучи источником не всегда предсказуемых информационных изменений индивидуального сознания, лишь увеличивает пропасть между субъектами, делает их максимально уникальными, различными. Возникающие в силу этих различий конфликты составляют прямой антипод того, к чему стремится право как коммуникативная система. С этой точки зрения для права гораздо более предпочтительной будет *унифицирующая* коммуникация по типу «я — другой», нежели *дифференцирующая* автокоммуникация по типу «я — я».

Такая неприспособленность автокоммуникации для решения правовых задач проявляется не только в ее общей природе, но и в некоторых характерных особенностях автокоммуникативных текстов. Будучи адресованными не другому, но своему же собственному отправителю, эти «монологические» тексты не всегда обладают свойствами, способствующими их пониманию широким кругом адресатов. Более того, именно непонятность текста для широкого круга людей нередко выступает важным атрибутом автокоммуникативного текста, полного различных сокращений, субъективных символов и ситуативных отсылок, известных лишь автору или узкому кругу приближенных к нему лиц¹⁷. Столь личный язык, подменяющий общеупотребительные знаки импровизированными условными обозначениями, нередко навеянными спонтанной ассоциацией, удобен для сокращенной мнемонической записи, саморефлексии, аутопсихотерапии и тайнописи¹⁸, однако едва ли может служить основой координации правового поведения двух и более лиц. С этой точки зрения право кажется плохо совместимым с автокоммуникативными процессами.

Впрочем, есть такие черты автокоммуникации, которые не отдаляют ее от права, но, наоборот, сближают два этих явления. Например, присущая как праву, так и автокоммуникации *нормативность*, требование привести «сущее» в согласие с «должным». В чем бы ни заключалось данное требование, составляющее содержание нормативности как одного из ключевых аспектов права, очевидно, что его основа — различие между должным и недолжным — возникает лишь тогда, когда на упорядочение одного и того же типа элементов претендуют как минимум две несовпадающие системы правил.

¹⁷ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 80–81.

¹⁸ См.: Там же. С. 82–84.

Там, где, подобно миру физических явлений, только одна система правил определяет способ упорядочения элементов, возможно лишь должное, автоматически совпадающее с сущим, а потому полностью к сущему сводимое и в этом смысле концептуально неразличимое. В данном случае сама постановка вопроса о должном, как если бы мы, например, спросили, должен ли камень падать вниз или вверх, представляется абсурдной. Долженствование в том смысле, в котором мы говорим о нем применительно к человеческому поведению, в условиях присутствия лишь одного возможного способа упорядочивания элементов, представить трудно. Возможность долженствования в том значении этого слова, которое используется в области морали и юриспруденции, появляется лишь тогда, когда однотипные элементы (например, человеческие действия) в одно и то же время могут быть упорядочены двумя и более *несовпадающими* системами правил. Именно из несовпадения *двух и более* систем правил, претендующих на контроль *одних и тех же* элементов поведения, рождается, во-первых, различие между должным и недолжным, а во-вторых — требование к сущему отринуть недолжный способ упорядочивания в пользу должного. Последнее конституирует осмысленное различие между сущим и должным как основу нормативности.

В той мере, в которой нормативность является продуктом несовпадения двух и более систем правил упорядочения однотипных элементов поведения, она, как кажется, обнаруживает свою близость к феномену автокоммуникации, также возникающему благодаря столкновению в одном и том же сознании двух и более несовпадающих кодов-языков. Можно даже предположить, что лишь при таком автокоммуникативном столкновении кодов-языков возникает рефлексия о правилах поведения, переживание их нормативного характера. Едва ли мы сможем пережить нормативность правил как их специфическую характеристику, если в нашем сознании есть только один код-язык, оказывающий на мышление и поведение упорядочивающее воздействие. Подобное монопольное сознание просто воспроизводило бы определенный образ действий и не задавалось вопросом о нормативности альтернативных правил поведения, подобно тому, как современный человек не задается вопросом о том, какое нормативное значение для него имеет поведение камня или стрекозы. Только тогда, когда это монопольное сознание будет автокоммуникативно «потревожено» упорядочивающим воздействием по меньшей мере одного инородного кода-языка — «добавочного кода» по терминологии Ю. М. Лотмана, — субъект сможет поставить вопрос о том, какой из них является источником правил должного поведения, не предзаданного неким природным или иным априорным путем¹⁹. Так, автокоммуникативное столкновение двух и более несовпадающих кодов-языков оказывается предпосылкой различения должного и недолжного, лежащего в основе нормативности.

При этом нормативность, как и автокоммуникация в целом, порождается не тем, что носитель определенного кода-языка просто *узнаёт* о существовании иного кода-языка, требующего иного поведения, но тем, что этот инородный код-язык начинает оказывать на узнавшего о нем субъекта такое упорядочивающее воздействие, которое обусловлено *внутренним настроем самого субъекта*²⁰. До тех пор пока субъект сам, как бы изнутри своей психики, не придаст инородному коду-языку *значение потенциальной нормы*²¹, ни один код-язык, кем бы он ни был сообщен монопольному субъекту, не активирует в его сознании автокоммуникативного процесса, а следовательно, не приведет к постановке вопроса о должном. С этой точки зрения переживание должного, будучи продуктом внутреннего настроя субъекта, *не может быть передано ему по каналу коммуникации «я — другой» вместе с информацией о содержании инородного кода-языка*, как если бы мы, например, могли передать человеку сообщение вместе с нужным *отношением* к данному сообщению. Ни одна, даже самая эффективная коммуникация по типу

¹⁹ Данное обстоятельство, помимо прочего, подкрепляет тезис, согласно которому «свойства правовых норм ... не должны рассматриваться через тот язык, который используется в этих нормах, поскольку тогда их мысленная структура предполагается как заранее заданная»: Громицарис А., Кравиц В., Федделер К. Правовая коммуникация в современной правовой системе // Правоведение. 2013. № 6. С. 75. EDN: SIZUET

²⁰ Ю. М. Лотман описывает это как способность субъекта воспринимать один и тот же текст, с одной стороны, как источник добавочного кода (автокоммуникация), а с другой — как сообщение на известном ему языке (коммуникация). Переключаясь между этими двумя режимами, субъект является одновременно участником как коммуникации, так и автокоммуникации. См. подробнее: Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 84.

²¹ О связи автокоммуникации с переводом одного и того же текста из статуса описания факта в статус предписания поведенческого образца см.: Там же. С. 85.

«я — другой», не гарантирует, что полученный субъектом код-язык будет *пережит* как потенциальная норма его собственного поведения. Такое нормативное переживание, необходимое для поддержания любой эффективно действующей правовой системы, всегда индуцируется внутренней активностью субъекта, ввиду чего и связывается нами не с коммуникацией по типу «я — другой», но с *автокоммуникацией*, то есть коммуникацией человека с самим собой.

Наряду с нормативностью, целый ряд иных характерных черт права как культурной системы может быть рассмотрен в перспективе автокоммуникации. Например, изложение правовых норм в официальных текстах, утверждаемых особым ритуалом. С точки зрения теории Ю. М. Лотмана²², сообщение правовых норм через высокоранговые тексты позволяет не только эффективно донести некие правила до населения, но и оказать воздействие на самих авторов текста — законодателей. Помещая свое юридическое сообщение в «высокоранговый контекст», законодатель отделяет это сообщение от своего сознания, утрачивает над ним контроль и, как следствие, начинает переживать его как внешнее по отношению к нему самое явление. Такая трансформация текста закона из сообщения, еще недавно полностью подчиненного воле законодателя, в код-язык, теперь уже сам обладающий для законодателя упорядочивающей силой, превращает текст закона из коммуникативного («я — другой») в автокоммуникативный («я — я»), способный *непредсказуемо* влиять на образ мысли своего же создателя. Нюансы незапланированной интеллектуально-психологической трансформации законодателя в результате автокоммуникативного воздействия созданных им же самим «высокоранговых» текстов, как кажется, не сводятся к проблематике коммуникации по типу «я — другой», а потому, будучи небезынтересным сюжетом с точки зрения междисциплинарных исследований права, достойны рассмотрения в терминах теории автокоммуникации.

Аналогичным образом теория автокоммуникации может быть полезна при рассмотрении структурных особенностей правовых текстов и содержащихся в них сообщений. В качестве примера можно взять широкое использование в правовых текстах типовых речевых конструкций (клише). С точки зрения теории автокоммуникации, последние могут быть оценены не только как элементы юридической техники или особенности юридического языка, но и как элементы автокоммуникативной психотехники, позволяющей правовому тексту оказывать более сильное упорядочивающее воздействие на сознание субъекта. Это воздействие, взятое само по себе, будет связано не с конкретным содержанием текста, передаваемым по каналу коммуникации «я — другой», но с *самим фактом его многократного повторения*²³. Таковое, будучи *бесполезным* с точки зрения коммуникации «я — другой» (для передачи информации достаточно одного повторения), полезно именно с точки зрения автокоммуникации, поскольку, по мере укоренения многократно повторяемой текстуальной формулы в сознании субъекта, превращает ее из отдельно взятого сообщения в *структурный образец кода* для восприятия и построения любых других «менее повторяемых» юридических сообщений²⁴.

В процессе развития права наиболее значимые образцы такого рода приобретают статус и форму канона, что, согласно теории Ю. М. Лотмана, также составляет специфику текстов, ориентированных на автокоммуникацию²⁵. Усилению автокоммуникативного потенциала правовых текстов служит и характерная для них гиперструктурированность, задающая дисциплинирующий ритм их восприятия²⁶. Подобно зацикленной мелодии, этот ритм способен оказать на мысль упорядочивающее автокоммуникативное воздействие, *не зависящее даже от самого содержания* идущих друг за другом глав,

²² Подробнее об автокоммуникативном значении перевода текста в более высокий ранг см.: Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 77.

²³ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 86. О морально-нормативной функции автокоммуникативного повторения см.: там же. С. 85.

²⁴ Как отмечает Ю. М. Лотман, именно ориентация на передачу кода, а не сообщения составляет специфическую черту текстов, наиболее пригодных для стимуляции автокоммуникативных процессов. Передаваемые таким образом «инородные» добавочные коды всегда представляют собой *системы абстрактных правил сочетаемости определенных элементов*, а потому несут в себе *нормативный посыл* («так можно сочетать элементы, а так — нельзя»), требование соблюдать определенные правила. Подобное требование, как нам кажется, можно сравнить с содержанием абстрактной юридической нормы, не сообщающей никаких конкретных фактов, но лишь указывающей на то, какими факты должны быть. См. подробнее: Там же. С. 77.

²⁵ См.: Там же. С. 88.

²⁶ Там же. С. 84.

параграфов, пунктов и т. д.²⁷ Такое воздействие охватывает не только правосознание как особый тип сознания, сформированный автокоммуникативными эффектами юридических текстов, но и сознание человека в целом. Достаточно вспомнить Стендаля, который «настраивал» себя на написание романов путем перечитывания параграфов французского Гражданского кодекса 1804 г.²⁸ Этот и подобные ему примеры указывают на то, что не только ряд характерных черт права может быть рассмотрен с точки зрения их автокоммуникативных эффектов, но и сама теория автокоммуникации может почерпнуть немало интересного за счет изучения права. Последнее оказывается как коммуникативным, так и автокоммуникативным феноменом.

По нашему мнению, признание автокоммуникативных свойств права, равно как и некоторой «юридичности» самой автокоммуникации, нередко индуцируемой текстами и способами их восприятия, характерными для юриспруденции, может привести к коррекции ряда представлений о том, к чему должна стремиться правовая система, в чем состоят ее достоинства и недостатки. Взять хотя бы часто критикуемую сложность юридического языка, препятствующую эффективной передаче содержания правовых норм по каналу коммуникации «я — другой». С точки зрения теории автокоммуникации эти проблемные черты права могут быть истолкованы как полезное свойство, превращающее юридический текст из простого сообщения в своеобразный добавочный код, *одной лишь своей формой* вынуждающий приостановить привычный ход обыденного мышления и тем самым перенастроить субъекта на восприятие подчас достаточно далеких от обыденного сознания юридических конструкций. Пусть содержание этих конструкций и передается по каналу коммуникации «я — другой», что, безусловно, требует коммуникативной ясности правового текста, определенная *неясность* правового текста, обусловленная, например, специфической или архаичной терминологией, позволит передать не только его содержание, но и *сигнал* о том, что данное содержание требует иного, нежели обыденное, отношения к тексту. И речь здесь идет не о банальной суггестивности юридического языка, способного произвести некоторое впечатление на своего адресата, но о более фундаментальной способности самой формы правового текста перенастраивать код-язык, доминирующий в мышлении субъекта, и тем самым быть автокоммуникативной структурой. Именно через автокоммуникативное, а не просто коммуникативное воздействие правовой текст, в дополнение к трансформации *знаний* субъекта, трансформирует его *отношение* к этому знанию. В той мере, в которой отношение к праву не менее важно, чем знание его содержания, мы можем признать сложность и архаичность юридического языка не только известным препятствием, но и по-своему полезным свойством.

И наоборот, те свойства права, которые нередко опознаются как признак его развития, с точки зрения теории автокоммуникации могут оказаться спорными. Например, рост влияния нормативно-правовых актов по сравнению с более традиционными источниками права наподобие обычаев или прецедентов. С одной стороны, как канал передачи информации по типу «я — другой», нормативно-правовой акт, очевидно, превосходит и прецеденты, и тем более обычаи. Он позволяет оперативно формировать и передавать юридические сообщения от адресанта к адресату, обеспечивая тем самым решение частных коммуникативных задач. С другой стороны, решая эти частные задачи за счет постоянного изменения существующих правовых текстов, введения новых текстов и удаления старых, производитель нормативно-правовых актов разрушает целый ряд важных предпосылок автокоммуникативного воздействия права, позволяющих последнему оказывать глубокое трансформирующее влияние на своих адресатов и тем самым поддерживать социальный порядок.

В качестве примера можно взять такую значимую для социального порядка предпосылку автокоммуникации, как высокий «социальный ранг» текста. Несмотря на то, что исторически в случае правовых

²⁷ В этом контексте нам представляется заслуживающим внимания тезис Ю. Ю. Ветютнева, согласно которому «правовая коммуникация — это не столько конкретные тексты с их исторически изменчивым и часто случайным содержанием, сколько общий режим отчетливой определенности речи и поведения людей». См.: Ветютнев Ю. Ю. Морфологические аспекты правовой коммуникации // Правоведение. 2014. № 6. С. 115. EDN: UNEAGL

²⁸ Так, в частности, это описывает А. И. Ковлер: «Стендаль, когда у него возникало желание придать своему стилю больше краткости и выразительности, обращался к Гражданскому и Семейному кодексам Наполеона». (Ковлер А. И. Антропология права. М.: Норма, 2002. С. 7. EDN: YTRLHH)

текстов этот ранг всегда был довольно высоким, в современную эпоху он подвергся некоторой эрозии из-за «инфляции права»²⁹, вызванной беспорядочным умножением все менее качественных нормативно-правовых актов. Это умножение, составляющее, по нашему мнению, один из признаков часто констатируемого в современной науке кризиса права³⁰, является закономерным следствием отсутствия у нормативно-правовых актов автокоммуникативного начала³¹, характерного для тех же прецедентов или правовых обычаев.

Если, например, правовой обычай адаптируется к новым обстоятельствам за счет того, что его неизменная текстуальная форма прирастает новым способом ее восприятия, производимым как бы *изнутри* субъекта интерпретации, то нормативно-правовой акт в гораздо меньшей степени «полагается» на новую интерпретацию и в гораздо большей степени адаптируется к новым обстоятельствам за счет *внешнего* изменения его текстуальной формы. Если *текстуально изменчивый* нормативно-правовой акт, не требующий столь же изощренной интерпретации, как это имеет место быть в случае обычая, не требует серьезной внутренней трансформации субъекта восприятия, позволяя ему *внутренне оставаться практически неизменным*³², то правовой обычай может позволить себе оставаться *текстуально неизменным* лишь за счет способности быть источником *постоянной автокоммуникативной трансформации самого субъекта восприятия*.

Трансформируя себя ради нового восприятия внешне неизменного правового обычая, субъект не только развивает право как таковое, но и *со-развивается вместе с ним*, приобретает «выстраданное» личное качество в борьбе с «*сопротивлением формы*» правового текста, который, таким образом, становится частью его личной истории и, возможно, даже *субъективной идентичности*. Подобное переживание своей идентичности в связи с правовым текстом не происходит, если, как в случае нормативно-правового акта, реакцией на новые обстоятельства существования является не творческое изменение субъекта, но практически беспрепятственное изменение правового текста механическим образом. Как и в любом творчестве, инновационное преобразование субъективного видения нередко требует «творческого препятствия» — например, механической неизменяемости текста, — которое одним лишь фактом своего существования вынуждает мышление искать обходные пути и в ходе этих рискованных блужданий открывать такие вещи, о которых в обычной ситуации никто бы и не подумал. Не конкретная инновация, но *общая способность* к юридическим инновациям является главным следствием механической неизменности текста правового обычая.

Именно эта текстуальная неизменность правового обычая (как и в чем-то схожего с ним судебном прецеденте), помимо всего прочего, способствует снижению инфляции права и тем самым позволяет поддерживать высокий социальный ранг правовых текстов, что, в свою очередь, лишь еще полнее реализует заложенный в обычае автокоммуникативный потенциал. И наоборот, исходный недостаток автокоммуникативности, компенсируемый внешним изменением текста, делает нормативно-правовые акты источником значительной инфляции права, способствующей понижению социального ранга правовых текстов, теряющих, таким образом, и без того ограниченные автокоммуникативные свойства. В той мере, в которой эти свойства, связанные с внутренней активностью адресатов правовых текстов, играют определенную роль в воспроизводстве нормативности и тем самым в сохранении социально-правового порядка, мы, опираясь на теорию автокоммуникации, можем поставить под сомнение тот оптимизм,

²⁹ Данное явление также называют «правовым взрывом», «правовым наводнением» и т. д. Об этом см.: Денисенко В. В. Правовая коммуникация: теория права и реализация в правовых отношениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 316. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9045. EDN: OAHWHS

³⁰ См., например: Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 13. EDN: OZCEBD

³¹ О том, что быстрый прирост текстов является признаком не автокоммуникации, но именно коммуникации по типу «я — другой», см.: Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 88.

³² О большей пассивности субъекта восприятия в системе коммуникации «я — другой» по сравнению с автокоммуникацией см., напр.: там же. С. 89. Об аналогичной проблеме пассивности реципиентов правовой информации в континентальных правовых системах, основанных на преобладающей роли нормативно-правового акта, писал, в частности, Фридрих Хайек. См.: Hayek F. A. Law, Legislation and Liberty. Vol. 1. Rules and Order. London: Routledge, 1982. P. 87.

который связан с растущей ролью нормативно-правовых актов по сравнению с более традиционными источниками права.

Аналогичным образом теория автокоммуникации позволяет поставить под сомнение ту критику, которая нередко адресуется более традиционным источникам права при рассмотрении их с точки зрения коммуникации по типу «я — другой». Данный тип коммуникации, как мы уже отмечали, требует максимальной однозначности и универсальности юридического языка, добиться которых гораздо проще в случае нормативно-правовых актов, нежели разрозненных и неупорядоченных обычаев и прецедентов. Последние, напоминая не единый универсальный код-язык, но, скорее, собрание неоднородных языков и диалектов, едва ли соответствуют стандарту коммуникации по типу «я — другой», утвердившемуся в современном сознании, а потому воспринимаются как нечто менее эффективное и прогрессивное. Не отрицая проблем коммуникативной недостаточности прецедентов и обычаев, отличающихся неопределенностью и неформализованностью, нельзя не признать, что именно *благодаря* этим проблемам они оказывают на своих адресатов более сильное автокоммуникативное воздействие.

Так, поскольку это воздействие предполагает внутреннее изменение субъекта, по-новому воспринимающего текст обычая и тем самым адаптирующего его к новым обстоятельствам, возникает потребность в известной *неопределенности* текста обычая, за счет которой создается *пространство* для внутреннего движения сознания. Такое движение сознания, индуцируемое изнутри субъекта, будет нести на себе отпечаток его *индивидуальности*, а потому может быть опосредовано *менее формализованными текстами*, имеющими тем не менее юридическое значение. Наконец, автокоммуникация, истекая из субъекта, а не из кода-языка, в той мере, в которой она значима для права, ставит право *в большую зависимость от состояния сознания конкретных людей как представителей определенных интерпретативных традиций*. При всей проблематичности этих особенностей традиционных источников права с точки зрения коммуникации «я — другой», с точки зрения автокоммуникации «я — я» они представляются по меньшей мере не бесполезными. Таким образом, теория автокоммуникации позволяет взглянуть на недостатки традиционных источников права под необычным углом и обнаружить их позитивные эффекты именно с коммуникативно-теоретической, а не с какой-то иной точки зрения.

Выводы

Как показало исследование, право может быть рассмотрено не только по аналогии с коммуникацией по типу «я — другой», но и по аналогии с автокоммуникацией «я — я». Пусть последняя и обладает рядом черт, идущих вразрез с отдельными тенденциями современного развития права, нельзя не признать, что есть и такие ее свойства, которые могут иметь немалое значение. Главным из них является нормативность, составляющая важный аспект сущности права и, как показало исследование, индуцируемая в сознании субъекта через автокоммуникативное столкновение двух и более несовпадающих когнитивно-поведенческих кодов. Содержащие эти коды тексты порождают автокоммуникативные процессы не только в силу внутреннего настроя воспринимающих субъектов, но и благодаря ряду идеально-типических черт, характерных, в частности, для правовых текстов. К такому можно отнести высокий социальный ранг текста, многоуровневую и детальную структуризацию, широкое использование устоявшихся речевых форм и т. д. Эти черты правовых текстов оказывают автокоммуникативное воздействие не сами по себе, но в комбинации с установкой субъекта на их реализацию в собственном поведении, что, в свою очередь, предполагает их более глубокое переживание, не гарантированное одной лишь передачей правовой информации по каналу коммуникации «я — другой». В той мере, в которой теория автокоммуникации позволяет лучше понять нормативно-психологическое действие права, а также по-новому взглянуть на некоторые недостатки его традиционных форм, мы можем признать данную теорию продуктивной в контексте междисциплинарных правовых исследований.

Список источников

1. Антонов М. В. Коммуникация и действие права в концепции А. В. Полякова // Российская юстиция. 2025. № 5. С. 23–33. DOI 10.52433/01316761_2025_05_23. EDN: UILKAC
2. Архипов С. И. Понятие правовой коммуникации // Российский юридический журнал. 2008. № 6 (63). С. 7–17. EDN: JVTHNP
3. Белов С. А. Параметры правовой коммуникации: адресаты правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 4. С. 841–859. DOI: 10.21638/spbu14.2022.401. EDN: ZGZSAM
4. Ветютнев Ю. Ю. Морфологические аспекты правовой коммуникации // Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 110–117. EDN: UNEAGL
5. Графский В. Г. Правовая коммуникация и правовое общение // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 25–36. EDN: SAMBSF
6. Громицарис А. Правовая коммуникация в современной правовой системе / А. Громицарис, В. Кравиц, К. Федделер // Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 58–77. EDN: SIZUET
7. Денисенко В. В. Коммуникативная функция права // Академический юридический журнал. 2022. № 3 (89). С. 231–238. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(3).231-238. EDN: AFEYBH
8. Денисенко В. В. Правовая коммуникация: теория права и реализация в правовых отношениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1 (48). С. 311–321. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9045. EDN: OAHWHS
9. Ковлер А. И. Антропология права. М.: Норма, ИНФРА-М, 2002. 480 с. EDN: YTRLLH
10. Кравиц В. Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5 (298). С. 8–26. EDN: OZCEBD
11. Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Том I. Избранные статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 76–89.
12. Монтень М. Опыты. М.: АСТ, 2023. 1216 с.
13. Осветимская И. И. Коммуникация как конститутивный признак государства (в контексте глобализации) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 118–127. EDN: UNEAGV
14. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. М.: Проспект, 2016. 832 с. EDN: FRRXDA
15. Попов В. И. Роль права в обеспечении коммуникативных практик государства и гражданского общества в контексте социоаксиологического подхода к правопониманию // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 1. С. 43–50. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-5. EDN: BJRZVF
16. Потемкина О. С. Коммуникативная функция права (общетеоретическое исследование): дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 240 с. EDN: TYNUID
17. Разуваев Н. В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 136–153. EDN: TJXIPF
18. Хук М. Право как коммуникация. СПб: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. 288 с.
19. Честнов И. Л. Правовая коммуникация в контексте постклассической эпистемологии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 31–41. EDN: TJXIMD
20. Hayek F. A. Law, Legislation and Liberty. Vol. 1. Rules and Order. London: Routledge, 1982. 180 p.

Об авторе:

Рааб Руслан Султанович, старший преподаватель кафедры истории и философии факультета экономики и управления Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: belchikroma@gmail.com
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5506-152X>

References

1. Antonov, M. V. (2025) Communication and validity of law in A. V. Polyakov's Conception. *The Russian Justice*. No. 5, pp. 23–33. (In Russ.) DOI 10.52433/01316761_2025_05_23
2. Arkhipov, S. I. (2008) Conception of the legal communication. *Russian juridical journal*. No. 6 (63), pp. 7–17. (In Russ.)
3. Belov, S. A. (2022) Characteristic of legal communication: addressees of legal acts. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. No. 4 (13), pp. 841–859. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu14.2022.401
4. Vetyutnev, Yu. Yu. (2014) The morphological aspects of legal communication. *Pravovedenie*. No. 6, pp. 110–117. (In Russ.)
5. Grafsky, V. G. (2013) Legal communication and legal intercourse. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. No. 4, pp. 25–36. (In Russ.)
6. Gromitsaris, A., Krawietz, W., Veddelar, K. (2013) Legal communication in the modern legal system. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*. No. 6, pp. 58–77.
7. Denisenko, V. V. (2022) The communicative function of law. *Academic Law Journal*. No. 3 (89), pp. 231–238. (In Russ.) DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(3).231-238
8. Denisenko, V. V. (2022) Legal communication: theory of law and implementation in legal relations. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*. No. 1 (48), pp. 311–321. (In Russ.) DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2022.1/9045
9. Kovler, A.I. (2002) Anthropology of law. *Norma*. 480 p. (In Russ.)
10. Krawietz, W. (2011) Juridical communication in modern legal systems from the perspective of the legal theory. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*. No. 5, pp. 8–26.
11. Lotman, Yu. M. (1992) On the two models of communication in the system of culture. In: Selected works on semiotics and typology of culture. *Alexanra*, pp. 76–89. (In Russ.)
12. Montaigne, M. (2023) Essays. *AST*. 1216 p.
13. Osvetinskaya, I. I. (2014) Communication as a constitutive feature of the state (in the context of globalisation). *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*. No. 6 (317), pp. 118–127. (In Russ.)
14. Polyakov, A. V. (2016) General theory of law: the problems of interpretation in the context of communicative approach: a textbook. *Prospect*. 832 p. (In Russ.)
15. Popov, V. I. (2022) Law as a means to ensure communicative practices of the state and civil society in the context of a socio-axiological approach to legal understanding. *Bulletin of the Law faculty, SFEDU*. Vol. 9, no. 1, pp. 43–50. (In Russ.) DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-5
16. Potemkina, O. S. (2023) Communicative function of law (general-theory analysis): the dissertation of the Candidate of Law. Saratov. 240 p. (In Russ.)
17. Razuvaev, N. V. (2014) The modern theory of law in search of post-classical paradigm of knowledge. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*. No. 5 (316), pp. 136–153. (In Russ.)
18. Hoecke, M. (2012) Law as communication. *SPSU Publishing House*. 288 p.
19. Chestnov, I. L. (2014) Legal communication in the context of post-classical epistemology. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*. No. 5 (316), pp. 31–41. (In Russ.)
20. Hayek, F. A. (1982) Law, Legislation and Liberty. Vol. 1. Rules and Order. *Routledge*. 180 p.

About the author:

Ruslan S. Raab, senior lecturer of the Department of History and Philosophy of the Faculty of Economics and Management of Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering (Saint Petersburg, Russian Federation); e-mail: belchikroma@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5506-152X>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.